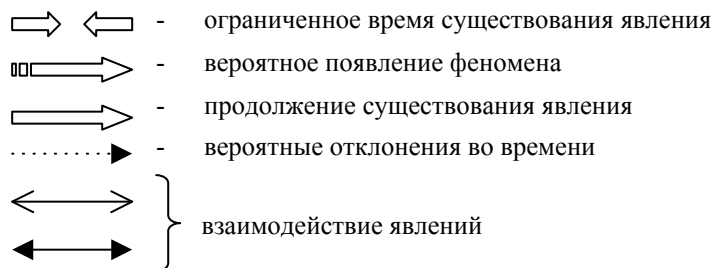

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Источники и литература

1. Берестовская Д.С. Синтез искусств как принцип создания крымского пейзажа // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №5. – С.167–175.
2. Борисова Л.М. На изломах традиции: Драматургия русского символизма и символистская теория жизнетворчества. – Симферополь, 2000. – 220 с.
3. Культурология: Хрестоматия для высшей школы. – Москва: Академический Проект, 2000. – 640 с.
4. Фаулз Дж. Дэниел Мартин. – Москва: АСТ, 2004. – 828 с.
5. Хайдер Т.В. Сатиричний дискурс польського літературно-мистецького кабаре: Автореф. ... канд. філолог. наук. – Київ, 2004. – 20 с.

Кузьма Н.В.

ЕДИНСТВО СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО В МУЗЫКАЛЬНОЙ СФЕРЕ СОЦИУМА

В современной науке и практике все отчетливее проявляется общая тенденция поступательного движения знания от прежнего, традиционно-классического, идеала науки к новому нетрадиционному, неклассическому. Классический подход ориентирован на исследование субстанциальной области Универсума как замкнутой, самодостаточной системы, которая характеризуется определенной однородностью строения и линейностью развития.

Нетрадиционный идеал познания направлен на представления о процессуальности, разнородности, неравновесности и нелинейности бытия. В связи с этим известные трансформации претерпевает и философия. В ней также происходят значительные подвижки, характеризующиеся все большим синтезом философского и научного знания, а также зарождение и становление новых междисциплинарных, пограничных исследований. Не случайно, по-видимому, и то, что философы науки концентрируют свои усилия на философском осмыслении новейших представлений о жизни как особом феномене, который рассматривается в терминах становления и эволюции. Следовательно, речь здесь идет о насущной необходимости целостного осмысления феномена жизни в Универсуме, и в связи с этим, о необходимости выработки целого научного направления – биофилософии. Биофилософия осуществляет поиск онтологических оснований мировоззрения, опираясь на результаты исследования живого как со стороны биологии, так и со стороны философии [1].

Особое место в системе теоретических и методологических предпосылок становления биофилософии занимает коэволюционная концепция, формирующаяся в настоящее время. Как показывает вся история формирования эволюционной идеи, сфокусированность ее непосредственно на человеке помогает выработать и обосновать критерии исследования, наиболее адекватные с точки зрения познания его биосоциальной сущности. Человек, со всеми присущими ему биогенетическими, психическими и культурно – познавательными особенностями уже не может изучаться только как некий застывший результат многовекового эволюционного процесса, как вершина, определяющая ее направленность.

Новейшая позиция состоит в том, чтобы рассматривать человека как следствие коэволюции. Поэтому познание условий и механизмов коэволюции человека можно было бы конкретизировать как проблему объяснения условий согласованного развития биологического и интеллектуального.

Западно-европейскими социобиологами активно развивается гипотеза в отношении признания определенной кульминационной роли генно-культурных факторов эволюции, в том числе, и на современном ее этапе. Генным и культурным факторам отводится роль равнозначных по отношению друг к другу. Они не только сопряжены между собой, но и взаимнообуславливают процесс развития человеческого интеллекта.

Убежденность в том, что познание, а значит и интеллект человека, развивается вместе с другими аспектами жизни, мы обнаруживаем у М.Рьюза и Э.Уилсона. Общим для этих социобиологов является прямое или опосредованное признание наличия каких-то особых связей между такими, казалось бы, далекими понятиями, как биогенетические и культурные факторы, которые оказываются не только совместимыми, но и вполне обоснованно согласуемыми внутри разрабатываемой авторами генно-культурной концепции эволюции [2].

Согласно теории, которую отстаивает Э.Уилсон, в человеческой психике присутствует эволюционно заложенное ограничительное начало, отличное и далекое от животного инстинкта, даже того феномена, который получил название инстинкта самосохранения. Автор говорит об ограничительном начале в психике как о регуляторе, генетически обусловленном, отражающем предрасположенность, предпочтитель-

ность, которой следует человек в своем действенном поведении. Более того, все направление развития человеческого мышления оказывается преддетерминированным генно-культурными механизмами.

Такая постановка проблемы разворачивает исследования в направлении поисков ответа на вопросы о путях и механизмах осуществления взаимосвязи генетической культурной эволюции, или, в данном контексте, коэволюции биогенетического и познавательного. В нашем исследовании мы конкретизируем проблему коэволюции на примере музыкальной деятельности человека и музыкальной сферы социума в целом.

Будучи социальным процессом, музыка имеет и физиологическую сторону – работу мозга, нервной системы человека – и, являясь одним из процессов развития человека как социального существа, содержит опосредованную природную основу. Примером единства биологического и социального здесь может служить музыкальное мышление – мышление высокой степени абстрактности, которое позволяет человеку создавать эмоционально-смысловой образ музыкального произведения в результате основных операций мыслительной деятельности – анализа и синтеза на основе индивидуального «интонационного словаря» и ценностной системы личности.

Операции анализа и синтеза в мышлении представляют собой неразрывное единство, однако в зависимости от доминирующих функций того или иного полушария, может преобладать одна из них, конституируя индивидуальные различия в процессах мышления людей [3].

Проведенное нами экспериментально-психологическое исследование музыкального мышления у музыкантов различной степени успешности в своей деятельности выявило, что у музыкантов с абсолютным слухом преобладает операция анализа и дифференциальный стиль мышления, соответственно у них доминирующим является правое полушарие мозга. У музыкантов с относительным слухом, более успешных в своей деятельности, обнаружился интегральный стиль мышления и доминирование левого полушария, что помогает им постигать музыкальное произведение целостно, и постигать его смысл как играющего своей многозначностью символа [4, 5].

По данным современной психогенетики, индивидуальные особенности функциональной асимметрии полушарий головного мозга передаются по наследству [6]. Это означает, что деятельность музыкантов с абсолютным и относительным слухом преддетерминирована богатыми факторами а, музыкальное мышление имеет двухуровневую природу: музыкальный гено-текст и музыкальный фено-текст.

Музыкальный гено-текст мы относим к биогенетическому уровню личности. Он включает в себя всю совокупность безусловных элементарных и первичных условных интонаций. Это основа для формирования музыкального фено-текста, который человек приобретает с помощью импринтинга, сложнейшего свойства запечатлеть на бессознательном уровне все воздействия внешнего мира [7].

Музыкальный фено-текст является по своей сути социально опосредованным музыкальным гено-текстом и имеет свою качественную характеристику.

Рассмотрим сущностную природу музыкального гено-текста человека с позиции коэволюции биогенетического и социально-интеллектуального.

Звучащее музыкальное произведение воздействует на человека всеми средствами выразительности: мелодией, гармонией, метром, ритмом, ладотональной сферой и пр. Качество воздействия любого из этих факторов изменяется от соотношения с остальными. Восприятие музыкального произведения представляет собой целостную реакцию мозга на всю совокупность средств выразительности в их взаимодействии друг с другом.

Одним из главных факторов, определяющих характер воздействия музыки, является интонация – мельчайшая осмысленная звукоячейка – «элементарная частица» музыки. С точки зрения физиологии высшей нервной деятельности, выразительные возможности интонаций обуславливаются многими причинами: степенью близости интонаций к их физиологической первооснове, уровнем имеющегося в них обобщения, соотношением в интонациях новых и привычных элементов, соответствием интонаций идее произведения, отсутствием снижающих воздействий интонаций факторов и др. Все эти причины определяют характер воспринимаемых интонаций.

Первичные голосовые реакции – интонации – образуются на самом раннем этапе жизни ребенка, выражаясь в различных эмоциональных состояниях: в крике, плаче, стоне, смехе и пр. Они осуществляются физиологическим механизмом безусловного рефлекса, представляющего собой врожденную, наследованную, произвольную мозговую деятельность, то есть зависят от генотипа конкретного человека. Голосовые безусловные рефлексы – ответы на действие определенных раздражителей (которые индивидуальны и зависят от наследованного типа высшей нервной деятельности) – становятся сигналами этих раздражителей. Наличие в безусловнорефлекторных, или биогенетических, интонациях жизненного содержания превращают их в средства дистантного общения. Именно путем биогенетических интонаций маленький ребенок, еще произвольно, сообщает окружающим о происходящих с ним переменах.

В дальнейшем на базе элементарных озвученных реакций с помощью механизмов импринтинга и обобщения создаются более сложные, дифференцированные, осуществляемые механизмом условного рефлекса. Благодаря импринтингу система поведения человека постоянно в течение всей жизни накапливает на бессознательном уровне информацию: образы, установки, ощущения, представления, смыслы. Эта информация обобщается, интегрируется и, вместе с тем, дифференцируется.

Из каждого биогенетического корня как бы вырастает целая серия условнорефлекторных голосовых ответов. Крик перестает быть «просто криком», а гибко меняется свою высоту, силу, длительность и тембр в зависимости от испытываемых мозгом раздражений. Так же трансформировались и другие безусловные голосовые реакции, порождавшие целый сонм различных условнорефлекторных интонаций. Не-

которые из них, особенно закрепленные в практике, выделились своей семантической всеобщностью и по занимаемому месту в жизни стали конкурировать с безусловнорефлекторными. Эти именно условные интонации и приобрели самодавлеющее значение, начиная играть роль основополагающих интонационных формул. Так первичные безусловные и условные интонации становились материалом для интонаций речи и музыки.

Таким образом, хотя первичные речевые и музыкальные интонации произошли из безусловных, биогенетических, их кристаллизация совершалась на условнорефлекторном уровне. Поэтому биогенетическое начало сохранилось в них как бы в трансформированном виде, усложняясь и изменяясь путем разного комбинирования условнорефлекторных компонентов.

Процесс становления музыкальных интонаций шел, по-видимому, параллельно с развитием речевых. Он тоже был сложным и многоступенчатым, протекал на протяжении тысячелетий, видоизменяясь в зависимости от социальных и биологических условий жизни общества. Музыкальные интонации, также возникнув из первичных безусловных, проявились потом в народном песенном творчестве и, приобретая самодавлеющее значение, стали материалом профессионального искусства.

Общность происхождения речевых и музыкальных интонаций от первичных безусловных обеспечивала им внутреннее родство, в силу которого они иногда напоминали друг друга. Однако между ними имелись и существенные различия, вследствие чего речевая интонационная сфера не могла полностью отождествляться с музыкальной. В социогенезе выделялся процесс заимствования музыкальными интонациями некоторых компонентов из речевых и, в то же время, насыщение речи музыкальным началом. Так путем взаимодействия различных видов интонаций осуществлялось их взаимное обогащение, а для их полноценности необходима *связь с биогенетической сферой*, которая должна непременно сохраняться. Такая связь обуславливает жизненность, свежесть, а, следовательно, и объективную ценность интонаций. Чем эта связь сильнее, тем интонации оказываются более искренними, непосредственными и общезначимыми.

Чем более велик отрыв интонаций от естественной физиологической основы, тем меньше остается в них эмоциональности. Вот почему искусственные акустические образования лишаются обычно общезначимости содержания и становятся понятными лишь небольшому кругу лиц. Они теряют и в коммуникационном отношении, оказываясь лишь материалом «музыкального эсперанто».

Безусловные интонации являются непосредственным выражением самых глубинных реакций личности потому, что рождаются в результате преимущественно подкорковой деятельности мозга, воздействуют на человека на бессознательном уровне его психики. И хотя это обеспечивает общезначимость интонационной информации, музыкальное мышление все же остается на уровне музыкального гено-текста, обедненного возможностью передачи социальных переживаний личности.

Чрезвычайное многообразие социальных воздействий обуславливает и тонкую дифференцированность возможных ответов на них, запечатляемых с помощью импринтинга. Эта дифференцированность открывает возможность использования условных интонаций для выражения сложнейших отношений человека к действительности, для передачи социальной стороны музыкально-интонационного содержания.

Процесс обобщения ведет к образованию интонаций, конденсировано передающих ту или иную социально-востребованную информацию. Конденсированность интонаций увеличивает силу их эмоционально-образно-интеллектуального воздействия. Особую значимость приобретают *интонации, правдиво и весомо передающие жизненное содержание, прочно связанные с биогенетическим корнем и высоко обобщенные*. Сила воздействия этих интонаций побуждает к более частому их использованию в творчестве. Многократное повторение сходных интонаций проторяет рефлекторные пути в коре мозга и тем облегчает их последующее восприятие. Так происходит закрепление конденсированных условных интонаций в музыкальной практике. Наиболее обобщенные – типичные – интонационные образования начинают использоваться как средство сигнализации о сущностном социализированном содержании.

Именно эти интонации и являются *золотым фондом* маркировки сферы социума, а музыкальное мышление выходит на уровень фено-текста, мышления высокой степени абстрактности.

Таким образом, многоступенчатое обобщение при одновременном сохранении прочной связи с физиологическим корнем ведет к созданию полноценных интонаций. И если естественность и искренность музыкальных интонаций обуславливается их близостью к безусловнорефлекторным истокам, то сила их воздействия на окружающих зависит, прежде всего, от конденсированности содержания.

Интонационный фонд каждого отдельного человека, как и целого социума, постоянно увеличивается притоком новых условных интонаций. Некоторые из них сохраняют черты своих физиологических «предков», наполняя их простотой, выразительностью; другие почти разрушают связь с ними, становясь сухими, мертвыми, невпечатляющими.

Простые, естественные, насыщенные физиологическим началом интонации воспринимаются легче, чем высокообобщенные и емкие по содержанию, требующие от слушателя большой затраты нервных сил. Поэтому первые из них скорее получают большое распространение, чем вторые. Однако это не означает, что, стремясь к массовому признанию, прогрессивное современное искусство должно ориентироваться лишь на более простой интонационный фонд.

Проблема интонационного фонда социума становится проблемой коэволюционного становления или прогрессивной коэволюции, когда внутри системы любой степени сложности (от генома до биосферы) усматриваются очевидные селективные противоречия, снятие которых оказывается возможным лишь при условии иерархического усложнения коэволюционных партнеров [8]. Следовательно, в самой системе интонационного фонда кроется потенция к усложнению, а совершенными являются лишь интонации, сочетающие простоту с высоким уровнем обобщения и отражающие самую сущность явлений современной

жизни. Гипертрофия одного из этих показателей при ущербности другого приводит к отрицательным результатам.

С физиологической точки зрения создание полноценных интонаций возможно лишь при нормальной работе и тесном взаимодействии у автора всех трех инстанций высшей нервной деятельности: 1) ближайшей к большим полушариям подкорки, тонизирующей кору головного мозга, 2) первой сигнальной системы, осуществляющей образное мышление, и 3) второй сигнальной системы, то есть речи и абстрактного мышления. К этим трем инстанциям можно добавить еще четвертую – третью сигнальную систему, систему жизненных и художественных ценностей, отвечающую за высококонравственную ориентацию композитора. Только при согласованной творческой работе всех четырех инстанций интонации будут яркими, образными, содержательными, сильно действующими; в противном случае они окажутся дефектными.

К примеру, нарушение нормального взаимодействия субкортикальных и кортикальных зон превратит интонации в аэмоциональные и монотонные или, наоборот, сделает их обнажено чувственными. Слабые способности к абстрактному мышлению, преобладание операции анализа и отсутствие интегративного стиля мышления являются препятствием на пути создания смысловой структуры музыкального произведения, которое не станет целостным художественным символом.

Исходя из сказанного можно утверждать, что ущербное интонационное творчество, которым наводне на сейчас массовая культуры, в большей мере обуславливается теми или иными нарушениями в высшей нервной деятельности авторов, возникающих у них под воздействием вредных биологических или социальных факторов. Нарушения эти преимущественно парциальные, то есть сказывающиеся лишь на определенных видах деятельности. Некоторые из них, по-видимому, являются результатом генной наследственности. Поэтому нормальность поведения композитора в быту не доказательство еще отсутствия в его творчестве черт патологии.

Но социальная действительность, определяющая содержание и формы психической деятельности человека изменяет характер и взаимодействие физиологических и биохимических процессов, также протекающих в клетках мозга и организма в целом. Здесь мы обнаруживаем опосредование социального биологическим, подчинение биологического социальному. Следовательно, можно утверждать о наличии обратной зависимости. Так, влиянии музыкальной деятельности «ущербного» композитора на аудиторию слушателей, ведь в восприятии музыкальных интонаций участвуют те же инстанции высшей нервной деятельности, что и при сочинении музыки. Тогда деятельность такого композитора становится деструктивной по отношению к музыкальному мышлению социума.

Сказанное означает, что все исторические преобразования в музыкальной сфере социума, качественное содержание музыкально-интонационной сферы данного общества – это определенная степень обобщения физических, физиологических, биологических процессов, которая в данную эпоху достигнута, то есть определенная ступень биологической культуры социума. Биологическая культура в данном случае – это характеристика общества в том аспекте, какими средствами и в каких формах оно реализует социальное назначение и смысл практического бытия людей [9].

Современное социальное развитие, кризис механистической индустриальной технологии, нарушение естественных планетарных биогеографических констант, ухудшение генофонда, снижение ценности человеческой жизни в ряде регионов обострили проблему выживания человечества. В этих условиях остро встает вопрос о коренном пересмотре прежней физикалистской (механистической) картины мира, и конструировании с позиции биофилософии новой биологически ориентированной картины мира и места в ней музыкальной сферы социума как неотъемлемой части антропосферного феномена.

Источники и литература

1. Философский анализ оснований биологии. Биофилософия / Под ред. А.Т. Шаталова. – М.: Ифран, 1997. – 264 с.
2. Рьюз М., Уилсон Э. Дарвинизм и этика // Вопросы философии. – 1987. – № 1. – С.35–49.
3. Данилова Н.Н. Психофизиология. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 370 с.
4. Кузьма Н.В. Музыка – философия за гранью вербального (онтолого-гносеологический анализ музыкальной сферы социума). – Севастополь: ЧП Арефьев, 2005. – 116 с.
5. Кузьма Н.В. Абсолютный слух как немзыкальная способность // Практическая психология и социальная работа. – 2005. – С.50 – 52.
6. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 447 с.
7. Оконская Н.Б. Основы метаантропологии. – М.: Вузовская книга, 2004. – 224 с.
8. Шульга Е.Н. Генезис идеи коэволюции // Биофилософия. – М.: Ифран, 1997. – С.24–29.
9. Тугаров А.Б. Биологическая культура общества как социальное явление. Авт. к.ф.н. – Л., 1988. – 18 с.

Масаев М. В. ОБРАЗ СВЯТОЙ РУСИ КАК ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СИМВОЛ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Становление концепции парадигмальных образов символов эпох и цивилизаций можно проследить